
И.А. СЕДАКОВА

**БОЛГАРСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОМО PERFECTUS
(НА МАТЕРИАЛЕ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ)**

В статье рассматриваются основные народные (традиционные, патриархальные) представления о «человеке совершенном» (*homo perfectus*), которые концентрируются во время появления ребенка на свет, но находят выражение и на более поздних этапах жизненного пути, в различных ритуальных и повседневных контекстах. Работа базируется на комплексном изучении родильной обрядности болгар, включающей в себя магические действия, поверья, запреты и рекомендации, благопожелания, проклятья, приговоры, нарративы, песни, которые в целом и создают образ «человека свершенного». Материалами для статьи послужили архивные данные, в том числе свыше 200 этнографических дипломных работ студентов Софийского университета (Ркс), словари, этнографические и фольклорные публикации, а также собственные полевые записи.

Начнем с эпитета в сочетании «человек **свершенный**» (*homo perfectus*) и сразу же оговоримся, что он в данном исследовании применяется отчасти условно. Определение *свершенный* имеет значения «1. Являющийся совершенством, превосходный; 2. Полный, несомненный»¹ (Ожегов, Шведова 1997: 740). Оно образовано от *свершить*, что, в свою очередь, восходит к ц.-сл. СВЕРШАТИ, ср. *вершить* «1. (стар.) Кончить, оканчивать; 2. Осуществлять, совершать, производить» (ТСРЯ 2007: 910, 83). Эти значения в разной степени актуальны для нашего исследования и, что особенно важно, неодинаково проявляются в различных компонентах родин, а также в разных фольклорных жанрах, связанных с темой рождения². Так, «совер-

---

DOI: 10.31168/2619-0834.2018.7

- 1 Сходные значения имеет лат. *perfectus* от *perficere* «делать, совершать, исполнять» (*per* «полностью» и *facere* «делать») (<https://www.etymonline.com/word/perfect>).
- 2 В недавней статье мы подробно рассуждали о разнице в лексическом обозначении одного концепта в зависимости от обрядового и фольклорного контекста (Седакова 2018).

шенный» в народной картине мира применительно к ребенку — не «превосходный», т. е. высшая степень каких-либо позитивных качеств, не исключительность, а скорее «завершенность», «выполненность». Болгарское *съвършен* толкуется как «без недостатков, идеальный» (БТР: 985), при этом прочно ассоциируется с глаголом *върши* «делать, производить», который, в отличие от русского языка, остается в активном лексиконе болгар без стилистической окраски. Тема «деланности», «выполненности» ребенка прочитывается на разных уровнях традиционного культурного текста, отсылает к созданию первого человека (СД 5, s.v. Человек) и эксплицируется в разном рода клише, ср. болг. выражение о человеке: «Правен, недоправен» [Сделан, но недоделан] (Славейков 1972: 404). «Мастерство» (болг. *майсторлък*) отца, «доделывание» новорожденного повитухой, «перепекание» (Топорков 1992) органично вписано во все коды родинной обрядности. Аллюзии к теме «изготовления» ребенка (девушки, парня) и вместе с тем актуализация магических актов родин регулярно фиксируются в разных жанрах фольклора, например, в любовных песнях:

«Никола, море Никола,
Що ми си толку убаво?
Дали те дулгерье делаа,
или те златарье леаа?»

Никола отвечает:

«Куга ме мама раждала,
За топола се държала,
Пот трендафил е седела,
У сънце е гледала,
У пресно ме млеко баняла,
Сос руйно ме вино поила».

[Никола, мой Никола,
Отчего ты такой красивый?
Или тебя плотники выпилили,
Или ювелиры выковали?»

«Когда меня мама рожала,
Она за тополь держалась,
Под розовым кустом сидела,
На солнце она смотрела,
В свежем молоке меня купала
И красным вином поила].

(Кепов 1936: 60)

Основное требование к «совершенному» ребенку — отсутствие недостатков (СД 3, s.v. Младенец). Нежелательным является любое отклонение от нормы — например, при кормлении грудью начинают с правой стороны, чтобы ребенок не вырос левшой.

Все физические изъяны и дефекты, серьезные врожденные заболевания приписываются прежде всего нарушению правил и регламентации поведения родителями на разных этапах их жизни. Нередко причиной рождения слепого, хромого, глухого, немого и пр. считается зачатие под праздник (Сочельник, Троицу и др.) или в пост (СД 2, s.v. Зачатие), высмеивание беременной инвалида (или просто встреча с ним), пищевые пристрастия матери во время беременности и др. Кроме того, рождение с серьезным увечьем или с другими отклонениями от нормы — это

знак судьбы (родителей, семьи и пр.). Понятие судьбы весьма противоречиво, причинность выступает в сложной комбинации разнообразных факторов, поэтому отклонения в развитии ребенка могут объясняться греховностью родителей (или даже рода), проклятиями (в том числе возлюбленной, которую обманул парень, женившись на другой), магией и порчей, воздействием демонов. При этом распространены представления, что «всё от Бога», а у южных славян — что судьбой наделяют особые демоны — орисницы (Толстая 1994; СД 5, s.v. Судженицы, Судьба)³.

В основе традиционных суждений о совершенстве лежит не только полноценность развития, но и понятие нормы как золотой середины, поскольку отклонение в ту или иную сторону — будь то «меньше» или «больше» обычного — трактуется как аномалия и связывается или с пессимистическим жизненным сценарием, или с демонической атрибуцией (Журавлев 1998). Этот мотив особенно частотен в фольклоре. Понятие нормы применимо к большинству внешних и внутренних качеств и свойств человека, его поведения, для которых свойственна грация: красота, доброта, ум, физическая сила, аппетит и пр. не должны быть «сверхчеловеческими». Излишки как хороших, так и плохих качеств соотносятся со сферой нечистого, поэтому про людей, выходящих в какой-либо области за пределы нормы, говорят, что они либо водятся с нечистой силой, либо сами имеют демонический статус. Тот, кто обладает излишним аппетитом, именуется *хала*, одно из значений этого слова ‘демон вихря’ (БТР: 1071), и др. Необычные черты, манеры находят отражение в языке и особенно в его экспрессивной лексике: *боботало* ‘тот, кто всё время бубнит’, *влячугазица* ‘жена, которая преследует своего мужа повсюду’ (Котова 1960–2000: 12, 22). По какому-либо качеству человек нередко получает прозвище: *Дългуран* (слишком высокий человек, верста), *Шишко* (толстяк) и др. Надо отметить, что в болгарской традиционной культуре и языковом узусе прозвища занимают особое место, они распространены в городской и сельской среде и до наших дней нередко замещают имя собственное⁴.

Однако выход за пределы человеческой нормы в разных контекстах может получать иную трактовку. Для различных фольклорных жанров, в том числе входящих в обрядовый комплекс родин, например благопожеланий (СД 1, s.v. Благопожелание), характерны преувеличение, гипербола, описание небывалой красоты, неисчислимого богатства, не-

- 3 Ряд вопросов, важных для темы данной статьи, уже разрабатывались нами, поэтому мы нередко просто отсылаем к более подробной публикации.
- 4 Прозвище нередко фигурирует в указании имени умершего на кладбищенском памятнике и в распространенных в Болгарии печатных уличных некрологах (Седакова 2018а).

роятной удачи, молодецкого здоровья. К тому же развитие талантов и некоторых способностей выше нормы ценится в обществе и используется в бытовых и в ритуальных контекстах. Так, к примеру, в качестве кумовьев и исполнителей ряда обрядовых действий в родильном комплексе выбирают людей, которые славятся своими исключительными способностями (громким голосом, умением петь, особенно складной речью), физическими качествами (высоким ростом, силой и др.), поскольку считается, что крестник перенимает свойства тех, кто его крестил. И наоборот, как говорилось выше, избегают людей, которые отличаются недостаточной «завершенностью» — умственной отсталостью, физическими отклонениями и пр. В подобную преемственность позитивных (и негативных) свойств болгары верят, выбирая имя. Соблюдая традиционное правило «подновить» имя старшего родственника, нередко нарушают порядок, чтобы ребенку не передались отрицательные свойства тезки. Родители отходят от обычной и дают имя с прозрачной внутренней формой и в тех случаях, когда желают ребенку, чтобы он стал носителем определенных качеств и свойств (ученостью, веселым, милым характером) (Кръстева-Благоева 1998; Седакова 2007).

При раскрытии темы «человек совершенный» довольно сложно «расчленить» родильную обрядность и структурировать вербальные и акциональные компоненты. Рождение ребенка, как и любой другой фрагмент, окружено разноплановыми формами выражения, имеющими одинаковое содержание (идентичную интенцию). Так, чтобы ребенок заговорил вовремя и не был немым, беременной следует исполнять разнообразие запреты и придерживаться рекомендаций; все действия с новорожденным сопровождаются приговорами (СД 4, s.v. Приговоры) и благопожеланиями, первые слова ребенка интерпретируются как приметы о его будущих свойствах и др. По мере социализации ребенка также выполняется свод поведенческих правил; при наличии явных аномалий следует целый ряд объяснений. Очевидно, что весь этот комплекс растянут во времени или даже может повторяться на разных этапах появления человека на свет (см. ниже).

Мы вкратце продемонстрируем разные подходы к группировке материала и методике описания, что и будет диктовать принцип изложения и раскрытия темы «человек совершенный». Надо отметить, что портрет номо perfectus формируется с учетом его пола — ожидания от «совершенной девочки» и «совершенного мальчика» как с точки зрения внешности, так и умений, свойств и качеств различаются. Соответственно можно применять гендерный подход к классификации и интерпретации материала. Кроме того, можно рассматривать формирование совершенного ребенка через концепт времени, исключительно важную категорию для родин (подробнее см. Цивьян 1982; Седакова 2011a; Васева 2007).

Рождение человека — это продолжительный процесс, на временной оси располагаются: зачатие, беременность (в которой маркируются первое шевеление и середина), роды, первые действия с ребенком. Центральное место здесь отводится времени рождения и его интерпретациям. Верят, что рожденный до рассвета станет вором, разбойником (Лов.: 353) и др.⁵ Однако этим временным отрезком формирование ребенка не ограничивается. И если говорить о норме и аномалиях, то опять же надо вернуться к понятию судьбы, представлениям о проклятиях всего рода, а также учитывать правильное/неправильное поведение молодых до, во время и после свадьбы и др. Важна не только ретроспекция, интерпретация прежних событий, но и взгляд в будущее, поэтому социализация ребенка и действия, совершаемые с ним, особенно до одного года и отлучения от груди, символически насыщены всем комплексом действий, направленных на формирование нормы и исключение аномалий.

Еще одна важнейшая категория — это место, неслучайно так много запретов и интерпретаций, связанных с местом зачатия (рождения), объясняют отступление от нормы. Так, о человеке болтливым говорят «Баща му го правил на воденицата» [Отец его сделал на мельнице] (Славейков 1972: 84); считается, что ребенок может родиться с аномалиями, если беременная наступит на «опасное» или «нечистое» место (куда выливали воду после обмывания покойника), например, окажется в лесу или заброшенном доме и испугается. Будущей матери запрещалось сидеть на пороге, чтобы у ее ребенка не было заячьей губы (Кепов 1936: 57).

В принципе тему «человек совершенный» можно исследовать, опираясь на любой структурный элемент обряда, любую категорию, любой концепт, тип обрядовых действий, фольклорных жанров. Важным рабочим понятием служит код, популярный в этнолингвистике метод интерпретации материала (Узенева 2010). С учетом этого научного и прагматического аппарата можно говорить об использовании цветового кода для формирования будущих свойств ребенка (Седакова 2001); о еде и вкусах (Седакова 1997), о пяти чувствах в целом (Седакова 2013). С точки зрения структуры материала — об отдельных актах (СД 3, s.v. Купание младенца), предметах (СД 3, s.v. Пеленки; СД 2, s.v. Колыбель), о повитухе, родных, кумовьях, кормилице, участниках обрядовых действий, о выборе имени и имянаречении и т. д. как играющих важную роль в формировании «человека совершенного».

---

5 Поверья о связи времени (даты, часа, сезона) рождения ребенка с его склонностями сильны до сих пор. Так, по сообщению коллеги, ребенку, рожденному 14 февраля, в день св. Трифона, покровителя вина и виноградарей, по требованию матери (чтобы он не стал пьяницей) датой рождения был записан предыдущий день, 13 февраля.

Обратимся к кулинарному коду, чтобы проиллюстрировать, как пища, манера еды беременной и ее вкусовые пристрастия могут влиять на формирование положительных или отрицательных черт у ребенка. Отмечаются следующие интересные моменты. Прежде всего, в еде человек противопоставляется животному (дикому). Отмечаются запреты есть мясо диких животных вообще — ребенок родится косматым, диким (Капанци: 170), мясо ежа — вырастут колючие волосы (Родопи: 123). Символические и онтологические черты животных в тексте родин обычно переносятся на ребенка. Так, множество мотивировок фиксируется для запрета есть зайчатину. Известные свойства зайца (пугливость, приоткрытые глаза, «заячья губа» и др.) воспринимаются как исключительно нежелательные применительно к младенцу. Беременной не рекомендуется есть зайчатину (вариант: голову зайца), чтобы ребенок не был пугливым (Молаов 1988: 73), спал спокойно (Странджа: 261; Ркс 48), чтобы не был косым и не тарасил глаза (Родопи: 123), чтобы спал с закрытыми глазами (Лов.: 351; Ркс 140, 149), чтобы при ходьбе у него не трещали суставы (Плов.: 212). Рыба (вариант: рыбы головы) также считается вредным продуктом для будущей матери. Чаще всего рыба в народных представлениях соотносится со звуковым и речевым поведением младенца. Сравнительный оборот «нем (молчит) как рыба» в контексте беременности прочитывается буквально, отсюда известные запреты есть рыбу — ребенок будет немым (Ркс 91). Не рекомендуется беременной рыба и из опасения, что ребенок будет храпеть, хрипеть, сопеть, гнусащить, постоянно сморкаться (Плов.: 212; Ркс 219, 79, 48, 138, 170). В Родопах считается, что, если будущая мать съест рыбу (или улиток), ее ребенок будет слюнявым и всё время хотеть пить (Родопи: 123; Ркс 196).

Известны и запреты на время беременности относительно мяса домашних животных и птиц. Болгары не разрешали готовить для беременной мозги овцы, мотивируя это тем, что ребенок будет глупым (Ркс 140). Беременным болгаркам не давали козлятины, полагая, что «дьявол будет манить ребенка, чтобы он, как коза, скакал по горам» (Воденичарова 1984: 113) или что у него при ходьбе будут трещать суставы (Родопи: 123)⁶.

Беременных ограничивали в еде потрохов, в том числе куриных. В мотивировках доминировала преимущественно цветовая символика — чтобы ребенок не был синим (Ркс 219). В курице нежелательными для

---

6 Для сравнения приведем польские представления о рыбе в рационе беременной, которые прекрасно иллюстрируют тему статьи с точки зрения нормы/излишества. Поляки делают акцент на среде обитания рыбы и на ее движении («вода», «плавать») и считают, что дитя будет *rywato*: для мальчика это означает излишнее богатство (ср. рус. *купаться в роскоши*), а для девочки — «легкое поведение» (Biegeleisen 1974: 33).

беременной кусками считались ножки — ребенок будет болтливым, ср. «Кокоши крак си ял» [Много болтаешь] (Славейков 1972: 266), и крыло — будет немым (Пир.: 380) или будет «сохнуть», плохо расти (Кирсово, соб. зап.). В период беременности нельзя было есть и других птиц — горлицу (особенно ее сердце), синицу, воробья — ребенок будет пугаться ночью (Воденичарова 1984: 113).

На продукт, надкушенный животным, накладывалось абсолютное табу. Мясо домашнего животного, задранный волком, ни в коем случае не готовилось для будущей матери — ее ребенок будет прожорливым, разборчивым в еде (Странджа: 261), не будет брать грудь (Родопи: 123). Полагали, что у него могут развиваться демонические признаки или аномалии. Болгары в Добрудже считали, что родившийся младенец станет вампиром (Добруджа: 266). Наиболее распространенным было поверье, что ребенок родится или с физическими недостатками (СБНУ 1949/27: 148), или с незаживающими ранами (Ркс 155). Беременной запрещалось есть хлеб, который надгрызли мыши, — у младенца будут воспаляться подмышки (СБНУ 1905/21: 35). Не позволялось пить лежа или наклонив голову — у ребенка будут слишком толстые щеки, а если пить из ведра — он вырастет пьяницей (Ркс 88).

Антропоморфизм посуды, проявляющийся в терминологическом обозначении частей сосудов, играет в запретах и рекомендациях для беременной существенную роль. Этим объясняются южнославянские рекомендации беременной не пить из сосуда с ручками (болг. *уши*, Геров 5: 466) — у ребенка будут болеть уши. Если терминология частей посуды не соотносится с обозначениями частей человеческого тела, всё равно запреты основываются на параллелизме ребенка и предмета: так, будущей матери нельзя пить из сосуда с завернутыми краями, иначе у младенца будут толстые губы (Ркс 98) или слишком большой рот (Ркс 283). В правилах поведения для беременной отражается идея магической связи подгорания пищи со способностью ребенка говорить. Южные славяне считают, что если будущая мать будет есть из подгоревшей кастрюли или сковороды, у ребенка «запечется», «сгорит» язык — будет плохая речь (Ркс 123; Требјешанин 1991: 78).

Будущей матери нельзя также есть тайком — ребенок будет привередливым в еде (Пир.: 380) или красть продукты (СД 5, s.v. Тайком).

Важный комплекс поверий связан с пищей младенца — грудным молоком. Особое внимание уделяли отлучению от груди, после которого матери уже запрещалось кормить ребенка своим молоком. Согласно родопским поверьям, младенец, которого вернули к грудному вскармливанию после отлучения, станет неудачником, вором (Илиев 1973: 131; Родопи: 138); будет подвержен сглазу (Ркс 7); вырастет злобным, лживым, непостоянным (Ркс 99); его проклятья будут сбываться (Родопи: 139) (подробнее см. Седакова 2007; Седакова 2011).

В тематическую сферу «еда» входят вкусовые коды, которые выстраивают определенный блок представлений о «совершенном ребенке». Вкусовые прилагательные и сами съедобные вещества, обладающие характерным вкусом, соотносятся с чертами характера, поведением, свойствами ребенка. Некоторые же вещества, такие как соль, для болгар (и других народов) являются не столько веществом, обладающим вкусом, но скорее «строительным материалом», помогающим создать правильное тельце ребенка и определить его идентичность и вероисповедание (СД 5, s.v. Соль). Назовем лишь несколько деталей и мотивировок известного ритуала «соления ребенка» (Толстой 1991). Солью натирают прежде всего подмышки и паховые части, «чтобы не потел» (Ркс 307); все тельце, «чтобы кожа была здоровой» (Ркс 9), «для красоты» (Ркс 248), «от детских болезней» (Ркс 338); а также специально ногти (Ркс 8), кости и суставы младенца для их укрепления, «да се запекают» [чтобы они запекались], ср. метафору «ребенок-хлеб» (Топорков 1992), а также мотивировку соления новорожденного: «чтобы затвердела кожа и чтобы были крепкими суставы» (БНМ: 387; Ркс 141; Пир.: 382); за ушами (Ркс 179), между пальцами (Сакар: 261) и др.

Сладкое — еще один важный вкусовой код для нашей темы. Много ритуалов с сахаром, медом, вареньем и другими продуктами, а также вербальных формул включают именно этот код с учетом полисемии соответствующей лексики, особенно ее диалектного разнообразия (болг. *сладък*, *благ*). Так, сахар используется для того, чтобы новорожденный любил мать и всех родных; с этой же целью роженица, намазав лепешку медом, облизывает пальцы (Ркс 97). На первый хлеб — обязательный после появления человека на свет (ритуал *повойница*) — кладут сахар для «сладкой (благополучной) жизни» и для *сладкодумия*, красноречия (Моллов 1988: 74). Ребенку гости приносят сахар со словами «чтобы его все любили», «чтобы он был милым», «чтобы его речь была гладкой» (Ркс 118). Болг. *сладък* ‘сладкий’ становится гиперсинонимом приятного, любимого, желанного, благополучного и др.

Из других вкусовых ощущений отметим еще и «острый», в силу того, что он прочно соотносится с отрицательной чертой характера. Это обусловлено полисемией болг. *лют*, которое применительно к человеку означает «вспыльчивый, гневливый» (БТР: 431). В связи с этой аналогией известно много запретов на использование острого перца в контексте болгарских родин. «Горький» и «кислый» не так частотны в родильной обрядности болгар, можно говорить о их минимальной релевантности в процессе магического формирования «совершенного человека» (подробнее о вкусовом коде на Балканах см. Александрова 2017).

Перейдем к другому коду — цветовому, который также существен для «человека совершенного» и отчасти уже упоминался в пищевых

запретах. Прежде всего, выделяется желтый цвет, нежелательный для кожи ребенка, поскольку устойчиво ассоциируется у болгар со смертью (цветом лица и тела покойного). В связи с этим будущая мать не должна ходить на похороны, ей нельзя также смотреть на умершего и прощаться с ним (если только это не близкий родственник, тогда она должна обязательно иметь при себе что-либо красного цвета — нить на пальце или запястье и др.), присутствовать при выносе гроба, смотреть вслед похоронной процессии (Добруджа: 266; Мильов 1993: 74). Желтый цвет — это и цвет восковой свечи, прочно ассоциирующейся с погребальной обрядностью, отсюда развивается запрет беременной держать свечу при елеосвящении (Ркс 79).

Белый цвет, напротив, маркирован в болгарских родинах исключительно позитивно и ассоциируется с долгой жизнью. Так, на крестины гости несут сахар, белую шерсть, «чтобы дитя дожило до старости» (Ркс 141). «Да оstarееш, да побелееш като Стара планина» [Постарей и поседаей как Балканы] (Славейков 1972: 158) — одно из основных благопожеланий ребенку в составе разных ритуальных и повседневных действий. Однако белый цвет является символом не только старости и продолжительной жизни. Белый — идеальный цвет кожи (в противовес смуглости и «черноте»), что воспринимается как «чужое» — см. ниже), зубов, а также предметов, необходимых для ребенка (преимущественно одежды). Белое в этом контексте символизирует «свое», «чистое», «красивое», «здоровое» и входит в необходимый набор качеств «человека совершенного».

Белизна зубов нередко служит мотивировкой магических действий в родинном обрядовом комплексе. Цвет здесь сочетается с крепостью и красотой зубов, в связи с тем, что в иерархии признаков красоты у болгар красивые ровные зубы стоят на одном из первых мест. Во время крещения мать и отец проглатывают (жуют) белую фасоль, чтобы у ребенка были красивые белые зубы (Ркс 100; Ркс 229), мать дает куме рис (Ркс 128). На крестины все гости несли белую фасоль — для белизны зубов (Мильов 1993: 74). По возвращении из церкви крестный передает матери ребенка, она дает ему рис и перец. Он кладет в рот рис и откусывает перец, произнося при этом: «Это для здоровых зубов и румянца на лице» (Ркс 246). Тот, кто первым заметит прорезавшийся зуб у младенца, дарит ему белую рубашку «для белизны и здоровья зубов» (Ркс 1), трет зуб серебряной монетой (Кепов 1936: 57), дарит матери иглу, чтобы зубы были острыми, и др. (Заметим в скобках, что к появлению первого зуба, а также к выпадению приурочено значительное количество магических актов и приговоров; см. СД 2, s.v. Зубы; СД 3, s.v. Первый — последний.)

Особое внимание в портрете «человека совершенного» занимает кожа лица и тела. Болгары стараются предотвратить появление на свет «черных» детей, то есть с очень смуглой кожей. Болгары по этой причи-

не запрещали беременной перешагивать через метлу, которой выметают пепел из очага (Ркс 20). Черный служит синонимом уродливого, страшного и одновременно «чужого», ср. песню «Петранка и грозен Тодор» (Тетово: 131–132), а также несчастливого, трагического, ср. переносное значение *чернея* ‘страдать’ (БТР: 1102), *Черната* как обозначение смерти и др. (СД 5, s.v. Черный цвет). Одним из объяснений необходимости исполнять вышеупомянутый ритуал соления новорожденного «добела» служит то, что ребенок не вырастет «черным».

Аномалией считаются и черные волосы на теле младенца, с такой мотивировкой будущей матери не рекомендуют садиться на черный мешок (Ркс 131). Верят также, что у ребенка будут длинные черные волосы на теле, если его мать во время беременности испугается буйвола (Ркс 229).

При этом, согласно народным представлениям, *черные* волосы на голове, дугообразные черные брови входят в стереотип женской красоты болгарки (Дечева 1998). Новорожденным девочкам рисуют углем или запеченным орехом, первыми испражнениями брови (Ркс 229). Мальчику же рисуют черным усы и бороду — когда вырастет, не должен остаться безбородым, то есть «несовершенным», болг. *кьосе*. Мужчина, у которого нет растительности на лице, воспринимается негативно, он никогда не становится полазником — первым посетителем на Рождество, нежелателен на свадьбе и в других праздничных комплексах (МЧТ: 520–521).

Наибольшее количество магических действий, относящихся к коже ребенка, направлено на то, чтобы ребенок был румяным и белокожим («кровь с молоком»). Это вызвано не только эстетическими требованиями, но и представлениями о хорошем здоровье человека. Красное и белое использовалось во время беременности и после рождения ребенка в ритуалах мазания, натирания, купания, кормления, дарения, украшения и некоторых других. Беременной рекомендуют украшать себя розами (Ркс 219), а матери (кормилице) при первом кормлении втыкать в волосы красный цветок (летом) или красный перец (зимой), чтобы ребенок был белокожим и румяным (Ркс 108). Сразу после рождения из одного угла комнаты в другой натягивают красную нить над ребенком и матерью (Ркс 131), сжигают сено в очаге и подносят к огню младенца, чтобы был румяным (Ркс 54). Для румянца болгары по щекам новорожденных проводят плацентой, слегка ударяют красным яблоком со словами: «Да е червено като ябълка» [Чтобы был румяным, как яблоко] (Бакалов 1992: 183; Ркс 59). Щеки мажут и специально оставленной со дня св. Георгия кровью обрядового ягненка (Ркс 246). После крестин крестный пьет красное вино — для румянца младенца (Кепов 1936: 57). Чтобы ребенок был белокожим, ему натирают щеки руками в муке; тельце (или только лицо) посыпают мукой (Ркс 226); к лицу прикладывают яйцо, подаренное матери младенца на 40-й день после родов и очистительной молитвы (Ркс 284; Ркс 123; 114).

Удвоение символики красного для большей действенности магии наблюдается в следующем болгарском обычае: мать растапливает очаг, дает глоток красного вина младенцу и говорит: «Както гори тази пещ и както е червено виното, така да е червено и здраво детето» [Как горит эта печь и как красно вино, так пусть будет румян и здоров ребенок] (Ркс 115). «Для румянца» на крестинах угощают фаршированным перцем (Ркс 15), гости приходят с красным перцем и красным луком (Ркс 79) и мн. др. Излишней красноты лица — как превышения меры, отхода от нормы — старались избегать, запрещая беременной подолгу смотреть на огонь (Лов.: 352).

Кроме цвета, еще один момент важен для кожи «человека совершенного» — это отсутствие пятен, как родимых, так и иного происхождения. Болг. *белег*, *нишан* ‘родимое пятно’ входят в очень устойчивый блок представлений о генезисе уродливых пятен на теле человека, который обычно связан с нарушением беременной ряда запретов, подробнее см. (Седакова 2007: 77–86).

Приведем еще один «маневр» в изучении «человека совершенного» — через анализ действий с детским предметом одежды, пеленками. Как показывает материал, пеленки магическим образом призваны передать положительные черты характера, сформировать («доделать») его тельце; правильное обращение с ними способно предотвратить воздействие демонов и соответственно болезнь и смерть ребенка. Пеленки шьют из старого белья для долголетия ребенка, из фартука матери, из одежды того домочадца, у которого самый хороший характер в семье (Пир.: 245). Для повседневных пеленок берут материал любого цвета, кроме черного (Лов.: 209). Известен запрет рвать материал на пеленки, нужно его резать, чтобы ребенок во сне не разговаривал. Не разрешается шить пеленки из отцовских штанов — ребенок будет спотыкаться (Ркс 153).

Существуют строгие правила обращения с пеленками. В течение 40 дней (6 недель) их не стирают и не сушат на улице или же сушат как одежду, оставшуюся после покойника (наизнанку, близко к земле) (Лов.: 209). До 40 дней пеленки вообще не выносят из дома (Ркс 102), особенно вечером, потому что ходят духи болезней и *самодивы* (Ркс 115). Стирать пеленки можно только утром, при этом нельзя использовать палку для отбеливания, чтобы ребенок впоследствии не боялся грома и молний. Пеленки развешивают на ветках с зелеными листьями для красоты и здоровья младенца (Родопи: 129).

Белизна пеленок и в будущем постиранного белья — цель многих ритуалов. Когда впервые выносят ребенка на улицу, мукой посыпают ему лоб и кладут в пеленку яйцо, чтобы его одежда отстирывалась добела. После очистительной молитвы мать с ребенком отправляется к своей матери, та кладет ребенку в пеленку яйцо, с которым потом моют ребенка, и там же стирают «для белизны одежды и кожи младенца» (Ркс 123).

В разных регионах, как видим, идентичные действия имеют разные мотивировки, относящиеся или к коже (см. выше), или к одежде, пеленкам.

В пеленки кладут разные обереги от демонов, сглаза и болезней. От нечистой силы болгары используют *вражко колено* — кость от задавленного волками вампира (Ркс 123), безопасные железные предметы (Ркс 325).

Первую использованную пеленку полагается бросить в реку, стоя при этом на трех камнях, для того чтобы ребенок рос и развивался быстрее (Ркс 196).

Важной частью одежды младенца считалась шапочка, к которой пришивали различные обереги от сглаза и воздействия демонов — старинные монетки, бусинки, ракушки и пр. Кроме того, верили, что она исправляет форму головы ребенка. Изготовление такой шапочки остается частью традиции даже городского населения. В 2015 году я записала рассказ о том, как для выписки новорожденного бабушка связала чепчик и обшила его разнообразными оберегами, несмотря на то, что мать заранее приготовила модный итальянский набор для выписки, в котором была и шапочка (большое количество таких традиционных болгарских шапочек с оберегами хранится в собрании Музея этнографии г. Софии).

Как уже отмечалось, мы используем разные темы в качестве исходной точки, чтобы анализировать образ «человека совершенного». Так, можно ориентироваться на одну из частей тела и рассматривать магические способы придания ей нужных характеристик. На примере ног (СД, s.v. Нога, ноги) проанализируем комплекс поверий, запретов, приговоров, ритуальных актов и даже развернутых обрядовых комплексов, которые призваны способствовать тому, чтобы у ребенка были крепкие и здоровые ноги. Беременной запрещается есть куриные ножки, чтобы у младенца не были слабыми ноги (Ркс 34). Не разрешается также сидеть скрестив ноги, чтобы ноги у ребенка не заплетались (Моллов 1998: 73). Нежелательны встречи с наездником — ребенок будет кривоногим (Кепов 1936: 59). Верят, что если переступить через беременную, ребенок станет кривоногим и будет волочить ноги (Ркс 201), нельзя переходить ей дорогу — она родит хромого (Ркс 119).

В Севелиевской округе хлеб при рождении ребенка раздают в четверг (*четвъртък*), чтобы ребенок был крепким (по созвучию с прилагательным *чевръст* ‘прочный’) (Ркс 306). Необходимым условием развития у детей навыков ходьбы считается крепость спины (крестца). У капанцев в магических целях используется черепица: ее стирают в порошок и, насыпав в полотно, обвязывают им поясицу ребенка (Капанци: 308), ср. поверье, что дети, которые носят пояс, начинают ходить раньше (Ркс 328). Отмечен ритуал выпекания хлеба *крстче* (болг. ‘крестик’, ‘крестец’) и его раздачи соседям, когда ребенок начинает самостоятельно вставать на ноги (Ркс 173). В болгарской диаспоре в Молдавии ребенку обвязывают поясицу шерстью или растирают спиртом со словами: «Бог на

помощь, на добър час, Господ да ти отпусне жилите да проходиш» [С Божией помощью, в добрый час, пусть Господь отпустит тебе жилы, чтобы ты начал ходить] (Кирсово, соб. зап.).

Специальный обрядовый комплекс «первых шагов» *прощъпалник*, который исполняется и в наши дни, целиком направлен на формирование у ребенка крепких ног и спины (крестца), красивой походки (для девушки), быстроты и легкости передвижения (подробнее см. Седакова 2007: 289–319).

Подобным образом можно описать моделирование «совершенства», «доделанности» других частей тела, а также формирования положительных свойств и качеств.

Наконец, о некоторых чертах характера узнают по различным приметам. Если младенец стискивает во сне кулаки — будет *жадным*, если кричит громко — *злым*, протягивает руки — будет *щедрым*, много улыбается — *добрым* (Ркс 59). Практикуются и гадания, причем не только о профессии ребенка, но и о его характере. При первых шагах ребенка (или на праздновании одного года) раскладывают различные предметы — деньги, ножницы, серп и по первому прикосновению угадывают, кем станет в будущем ребенок. Однако если он, взяв деньги, не отдает их, считают, что он вырастет *жадным* (Ркс 95).

Анализ представлений о «человеке совершенном» в болгарской традиции показывает всю сложность архаической картины мира, взаимосвязь разнородных явлений, их амбивалентность, географическое разнообразие и при этом их выстраивание в цельное полотно. Физиология смыкается с эстетикой, эстетика отчасти смыкается с эмоциями, а эмоции апеллируют к характеру и поведенческим особенностям человека. В обрядах нередко эксплицируется то, что осталось на языковом уровне, застыло в виде клише, ср. «горячиться», «быть вспылчивым» и запрет купать младенца в слишком горячей воде именно для того, чтобы избежать этих свойств у взрослого человека. Существенным является и вовлеченность в ритуалы столь многих людей, которые «конструируют» нового человека: это не только отец и мать, братья и сестры, бабушки и деды и весь род, собственно, но и кумовья, священник, соседи и даже случайные прохожие.

Из всего материала комплекса родинной обрядности и окружающих его поверий можно сделать вывод, что отсутствие аномалий и норма остаются доминирующими понятиями. Большой объем материала позволяет составить словник «совершенного ребенка/человека». Если говорить о теле, этот список будет включать голову, волосы, усы и бороду (для мужчин), лицо, глаза, брови и ресницы, зубы, щеки, уши, кожу лица и тела, шею, плечи, спину, поясницу, руки, пальцы, суставы, ноги, ступни, колени. Для каждого из этих частей будут свои «совершенные» требования,

которых добиваются различными магическими действиями. Иногда они кажутся противоречивыми, например, острый перец нельзя использовать, чтобы ребенок не вырос злым, но при этом его надо приносить на крестины «для румянца». Один и тот же предмет может использоваться в магических действиях с разными мотивировками, которые основаны на множестве его онтологических свойств, которые получают символическое развитие.

Телесное связано и с поведенческими особенностями. Походка и легкость передвижения, ловкость, умелость, трудолюбие, профессионализм и быстрота работы, речь — голос, отсутствие дефектов (заикания, шепелявости и пр.) — всё это «уточняется» в родинах. Детально оговариваются черты характера ребенка, с которыми он вступит в жизнь: доброта и незлобивость, отсутствие отрицательных свойств (воровство, лживость), любовь к семье, верность конфессии (что исторически особенно релевантно для Балкан) и др.

Чем больше собирается сведений из различных зон Болгарии, тем длиннее и детальнее становится список черт «совершенного человека». Так, наряду с общими характеристиками — высокий рост, стройность, румянец и белизна лица — моделируются такие «мелочи», как ямочки на щеках и подбородке и др. Очевидно, здесь проявляется общая черта народного менталитета — подробное перечисление типично и для заговорных текстов (Топоров 1993; Агапкина 2012), а название равнозначно творению.

Литература и источники

Агапкина 2010 — *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.

Александрова 2017 — *Александрова М.* Вкусове, миризми, подправки. Между лингвистиката и етнологията и отвъд тях. София, 2017.

Бакалов 1992 — *Бакалов К.* Обретеник. Етнографски очерк. Русе, 1992.

БНМ — Българска народна медицина. Енциклопедия. София, 1999.

БТР — Български тълковен речник. София, 1973.

Васева 2007 — *Васева В.* Ритъмът на живота. Репродуктивни и вегетивни цикли в българската традиция. София, 2007.

Воденичарова 1984 — *Воденичарова А.* Родилната обредност на българите като традиционна форма на социализация // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1984. Т. 2.

Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. София, 1975–1978. Т. 1–6.

Добруджа — Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974.

Журавлев 1998 — *Журавлев А.Ф.* К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном

выражении) // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998.

Капанци — Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.

Кепов 1936 — *Кепов И.П.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко // СБНУ. София, 1936. Т. 42.

Кирсово, соб. зап. — Полевые записи, сделанные автором статьи в с. Кирсово Комратского района Молдавии в 1983 г.

Котова 1960–2000 — *Котова Н.В.* Горно поле. Дупнишко. Речник. София, 1960–2000.

Кръстева-Благоева 1999 — *Кръстева-Благоева Е.* Личното име в българската традиция. София, 1999.

Лов. — Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.

Мильов 1993 — *Мильов С.* Иворна Вода. София, 1993.

Моллов 1988 — *С. Моллов.* Традиционен бит, обичаи и вярвания в Габровско. София, 1988.

МЧТ — Митология на човешото тяло. Антропологичен речник / Съставител и научен ред. М. Георгиев. София, 2008.

Ожегов, Шведова 1997 — *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Пир. — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.

Плов. — Пловдивски край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1986.

Родопи — Родопи. Традиционна и социалнонормативна култура. София, 1994.

Ркс — Архив С. Романского (хранится в Софийском Университете им. Климента Охридского, Болгария).

Сакар — Сакар. Етнографски проучвания на България. София, 2002.

СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889. Кн. 1–.

СД 1–5 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1–5. М., 1995–2012.

Седакова 1997 — *Седакова И.А.* Регламентация поведения беременной: еда и питье // Кодови словенских култура. Београд, 1997. Бр. 2. С. 30–38.

Седакова 2001 — *Седакова И.А.* Цветообозначения и их место в символикe славянских родин // Кодови словенских култура. Београд, 2001. Бр. 5. С. 57–65.

Седакова 2007 — *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.

Седакова 2011 — *Седакова И.А.* Грудное молоко как мифологема (на материале болгарской народной традиции) // Пищевой код в славянских культурах / Отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2010. С. 77–91.

Седакова 2011a — *Седакова И.А.* Категория времени в славянском «тексте рождения»: зачатие и беременность // *Пространство и время в языке и культуре*. М., 2011. С. 181–198.

Седакова 2013 — *Седакова И.А.* Иерархия пяти человеческих чувств в балканских поверьях, связанных с рождением и развитием ребенка // *Балканская картина мира sub specie пяти человеческих чувств*. Балканские чтения 12. Тезисы и материалы. 26–27 марта 2013. М., 2013. С. 168–172.

Седакова 2018 — *Седакова И.А.* Концепт «любовь» в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале) // *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов*. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 472–489.

Седакова 2018a — *Седакова И.А.* Болгарские печатные листки-некрологи как тексты: традиции и инновации // *Живая старина*. 2018. № 1 (97). С. 3–6.

Славейков — *Славейков П.Р.* Български притчи или пословици и характерни думи. София, 1972.

Соф. — *Софийски край*. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993.

Странджа — *Странджа*. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1996.

Тетово — *Тетово*. Теренни материали и проучвания. Русе, 1995.

Толстая 1994 — *Толстая С.М.* «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // *Понятие судьбы в контексте разных культур*. М., 1994. С. 130–136.

Толстой 1991 — *Толстой Н.И.* Солёный болгарин // *Studia slavica*. К 80-летию С.Б. Бернштейна. М., 1991. С. 38–46.

Топоров 1993 — *Топоров В.Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (Избранные главы) // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры*. Заговор. М., 1993. С. 3–103.

Топорков 1992 — *Топорков А.Л.* «Перепекание детей» в ритуалах и сказках восточных славян // *Фольклор и этнографическая действительность*. СПб., 1992. С. 114–118.

Требјешанин 2000 — *Требјешанин Ж.* Представи о детету у српској култури. 2-е изд. Београд, 2000.

ТСРЯ 2007 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

Узенева 2010 — *Узенева Е.С.* Болгарская свадьба: Этнолингвистическое исследование. М., 2010.

Цивьян 1982 — *Цивьян Т.В.* Пространство и время в балканских охранительных обрядах, связанных с рождением ребенка // *Македонски фолклор*. Скопје, 1982. С. 29–30.

Biegeleisen 1927 — *Biegeleisen H.* Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu Polskiego. Lwów, 1927.